

„Законъ Божій, правила государственныя, благонравіе и литература“ въ сознаниі духовныхъ цензоровъ эпохи Александра I.

Московской духовной цензурѣ—средоточію д.-ц. надзора въ данное время, при ея учрежденіи, были даны лишь немногія общія указанія, которыми она обязана была руководиться въ своей собственной цензурной дѣятельности. И лишь постепенно, чрезъ разъясненія и подтвержденія Св. Синода, а еще болѣе конечно, путемъ практическаго навыка и личныхъ соображеній цензоровъ, составилъ у нея извѣстный usus.

Стереотипная формула одобренія книгъ московской духовной цензурой, показываетъ, что при разсматриваніи каждаго сочиненія, сознанию цензора всегда должны были предноситься четыре основныя точки зрѣнія, это Законъ Божій, Правила Государственныя, Благонравіе и Литература.

А) Въ качествѣ высшаго авторитета, по сравненію съ которымъ опредѣлялось согласіе или несогласіе книги съ закономъ Божиимъ, въ цензурѣ служила, конечно—Библия. Какъ комментаріи „ученія вѣры“ въ соотвѣтствующихъ областяхъ для цензора служили руководствомъ Богословія Восточныхъ отецъ, Кормчая и Четы-Минеи.

Безъ сомнѣнія, Библия, которая за время царствованія Александра I распространилась отъ дворцовъ до—хижинъ, имѣла подобающее значеніе въ цензурѣ. „Утвердить мысли словомъ Божиимъ“ при разсужденіи о религіозныхъ предметахъ, считалось дѣломъ необходимымъ, дабы читатели въ предлагаемыхъ истинахъ неложно могли быть удостовѣрены. Мысли, не согласныя съ Свящ. Писаніемъ, цензура старалась исключать. А чтобы сохранить связь рѣчи, на мѣсто

ихъ вставляла мысли, Слову Божию сообразныя, приспособляясь, насколько возможно къ разсужденіямъ автора ¹⁾).

На точную цитацію текстовъ Св. Писанія было обращено вниманіе Синода, и она вмѣнялась въ обязанность и авторамъ и цензорамъ и корректорамъ. Такъ, въ 1807 г. по поводу замѣчанной неправильности ссылокъ на мѣста Св. Писанія и отступленій въ дословной ихъ передачѣ, Синодъ предписалъ цензурѣ, чтобы она, при разсматриваніи и исправленіи книгъ повѣряла и исправляла самые тексты и ссылки на нихъ. То же самое должны были дѣлать и корректоры синодальныхъ типографій по инструкціи, данной имъ въ 1800 году.

Разсматривая книгу Θεософія, или Богомудрость и давая общее заключеніе, что сочинитель ни въ Словѣ Божиѣмъ, ни въ системѣ богословской неискусенъ, цензура выставляетъ слѣдующіе пункты въ подтвержденіе этого. Въ приводимыхъ имъ библейскихъ исторіяхъ, говоритъ она, авторъ превращаетъ имена совершенно противно русской (Славянской) Библии; тексты приводитъ также совсѣмъ несходные съ нею, по какому то латинскому или лютеранскому переводу, да и въ самомъ переводѣ видимо не опытенъ. Иногда переведенъ не весь текстъ, иногда противно содержанію настоящаго текста „а инде такъ темно, что гораздо лучше и яснѣе имѣется въ нашей Россійской Библии“ ²⁾.

Но уже одно послѣднее замѣчаніе не говоритъ ли, что сама цензура далеко не могла смотрѣть на текстъ нашей Библии, какъ на своего рода Вульгату, и это сознаніе было тогда далеко не чуждо всякому, читавшему Библию.

Толкованія мистиковъ, усилившееся вслѣдствіе попытокъ миссіи знакомство съ еврейскимъ пониманіемъ Библии, разнообразныя вопросы, поднятые переводческою дѣятельностью Библейскихъ обществъ,—ненадежность славянскаго текста все это до трагизма волновало многихъ православныхъ. Разсматривая въ 1808 году „опытъ славянскаго словаря“ А. Шишкова, м. Амвросій и Теофилактъ по поводу желанія автора замѣнить выраженіе „отъ устъ словесе моего“ фразой „отъ словесе устъ моихъ“ писали: „сіе замѣчаніе подлежитъ вовсе

¹⁾ Арх. Св. С., 1803, 633; М. Д. Ц. 1799, 10.

²⁾ Арх. Св. С., 1802, 363.

уничтожить, и вообще смыслъ текстовъ Св. Писанія слѣдуетъ выводить, справляясь не съ новѣйшими европейскими, но съ латинскимъ, греческимъ и если можно, съ еврейскимъ языкомъ ¹⁾.

Но вотъ, это пожеланіе во второе десятилѣтіе XIX вѣка начало осуществляться. И сразу все разнорѣчіе чтенія LXX толковниковъ и мазоретовъ сдѣлалось очевиднымъ для каждаго, особенно когда одна и та же книга въ одномъ изданіи слѣдовала авторитету первыхъ, а въ слѣдующемъ—вторыхъ. Такой именно случай представляла книга „Толкованія на псалтырь“. Св. Синодъ въ 1820 году поручилъ свѣрить оба изданія арх. Филарету (Дроздову). Резюме его отзыва слѣдующее: „Изданія другъ другу совершенно противорѣчатъ, и что, если толкованіе второго истинно, то первое по необходимости ложно... Первое изданіе прямо даетъ текстамъ пророчесвенный смыслъ, а второе—прямой смыслъ полагаетъ въ нихъ историческій, а пророческій допускаетъ вторичнымъ и приспособительнымъ. Первое иногда не совсѣмъ основательно, второе иногда благопріятствуетъ неологіи... Ясности и связи больше во второмъ изданіи, нежели въ первомъ. Смыслъ пророчесвенный и духовный полнѣе и сильнѣе изложенъ въ первомъ изданіи. По силѣ смѣшаннымъ принадлежностямъ, заключалъ арх. Филаретъ, рѣшительнаго мнѣнія о достоинствѣ того и другого изданія произнести не отваживаюсь, представляя то усмотрѣнію Св. Синода“.

Но и Св. Синодъ лишь черезъ полвѣка, трудами того же Митр. Филарета выработалъ принципъ для компромисса между еврейскимъ и славянскимъ текстомъ, при изданіи русскаго перевода.

По ассоціаціи понятія рядомъ съ Писаніемъ въ отзывахъ цензуры фигурируетъ и Преданіе. Но нельзя на основаніи этихъ рецензій выяснить точное содержаніе даннаго термина по взгляду цензуры. Онъ растворялся въ другихъ не менѣе общихъ терминахъ вродѣ „Богословія св. Восточныя Церкви отецъ“. И, требуя исправленій книгъ въ сходственность православнаго мудрованія и богословскаго ученія, цензура осуждала сочиненія въ случаѣ несообразности ихъ основа-

¹⁾ Арх. Св. С., 1808. 963.

тельному Богословію ¹⁾. Иногда,—впрочемъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и въ мнѣніяхъ отдѣльныхъ цензоровъ,—цензура рѣшалась и собственное богословствованіе выдавать чуть ли не въ достоинствѣ этой Богословіи.

Небезынтересный примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ разборъ моск. духов. цензурою брошюры нѣкоего прожектера, проводившаго идеи, аналогичныя т. наз. нынѣшнему сіонизму (предполагалось основать государство въ государствѣ Россіи). Критикуя ихъ съ точки зрѣнія откровенія, цензура между прочимъ пишетъ: „Хотя обращеніе іудеевъ къ истинной вѣрѣ, вѣря откровенію, отвергать не должно (посл. къ Римл.), однако, не видя въ семъ злохитромъ народѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ раскаянія о своихъ и предковъ своихъ заблужденіяхъ чрезъ столь долгое время,—и притомъ вѣдая, что изъ временнаго плѣненія не было имъ освобожденія безъ раскаянія и обращенія къ Богу,—нѣтъ кажется резону предвосхищать судъ Божій, отвергающій ихъ и разсѣивающій по всѣмъ странамъ свѣта. Ибо то извѣстно, что благословляемыхъ Богомъ, человѣкъ проклинать не можетъ, но чтобы за нераскаянность и жестокость сердецъ, отверженныхъ отъ Бога и разсѣянныхъ по свѣту и презрѣніемъ отъ всѣхъ въ чувство приводимыхъ, іудеевъ люди должны благословлять, то въ Словѣ Божіемъ не открыто, слѣдовательно и умствованія автора о доставленіи іудеямъ благословенія Божія въ земныхъ выгодахъ, кромѣ тѣхъ, которыя они честными трудами имѣть могутъ, не заслуживаетъ кажется уваженія“.

Общее заключеніе цензуры было то, что лучше сіе сочиненіицѣ „Утѣшеніе Дщери Іудейской“ вовсе оставить не напечатаннымъ, яко совсѣмъ не нужное, а, можетъ быть, и судьбамъ Божіимъ о народѣ іудейскомъ противное... ²⁾.

В) Что касается второго критерія цензуры — „Государственныхъ правилъ“, то его обликъ мало выясняется при чтеніи цензурныхъ дѣлъ. Это и понятно; все касающееся вопросовъ политической и общественной жизни имѣло для себя прямой путь и фильтръ гражданскую цензуру. Провѣрять и узнавать, что дозволено и запрещено въ данное время,

¹⁾ МДЦ, 1801, 16.

²⁾ Арх. Св. С., 1803, 633: ср. МДЦ., 1803, 17.

духовнымъ цензорамъ приходилось не часто. Оттого и представленія ихъ объ этомъ предметѣ естественно отличались неясностью и субъективизмомъ.

Конечно, исключая изъ книгъ „богохульныя и дерзкія изрженія вольнодумцевъ“, цензора столь же ревностно ополчались и противъ мыслей „пахнущихъ вольностью и неуваженіемъ къ власти, отъ Бога установленной“ ¹⁾...

Затѣмъ, безспорно, отражались на взглядахъ членовъ цензуры и идеи правительственныя, выраженные—явно, въ манифестахъ, и тайно,—въ секретныхъ указаніяхъ и наставленіяхъ по цензурнымъ учрежденіямъ. Разсматривая, наприм., вновь издаваемые проповѣди Стефана Яворскаго и отмѣчая въ нихъ разнаго рода анахронизмы, цензура замѣчаетъ „принимая во вниманіе нынѣшнія обстоятельства и удаляясь духа нетерпимости другихъ исповѣданій, явно открытаго съ желчью и укоризнами въ пяти проповѣдяхъ, цензура, по означеннымъ резонамъ (дозволяя прочія), не одобряетъ ихъ къ напечатанію“ ²⁾.

Извѣстно, далѣе, какъ въ царствованіи Александра I, да и потомъ,—отражались перипетіи нашей внѣшней политики на усиленіи и ослабленіи цензурныхъ строгостей. Аустерлицъ, Тильзитъ, Бородино, Парижъ, Вѣна,—подвергали самымъ разнообразнымъ—до противоположности колебаніямъ и политику русской цензуры.

Весьма характерно въ этомъ отношеніи предписаніе попечителя Уварова, данное въ концѣ 1814 г. свѣтской цензурѣ, „смягчать мало по малу колкій и грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно новыхъ отношеніяхъ къ Европѣ и намъ. Журналисты, писавшіе въ 1812 г. должны иначе писать въ 1815 и мало по малу согласоваться съ намѣреніями правительства... Само собою разумѣется, что сіе правило должно быть хранимо между членами Комитета и при каждомъ случаѣ наблюдаемо столько, сколько благоразуміе и опытность каждому цензору внушить могутъ.

И вѣроятно, въ видѣ отзыва доходило это правитель-

¹⁾ Арх. Св. С., 1806, 16.

²⁾ Арх. Св. С., 1803, 609.

ственное регулированіе идей и до духовной цензуры. Такъ въ одномъ отзывѣ находимъ слѣдующую сентенцію: „Союзныхъ державъ, хороши онѣ въ себѣ или худы,—сочинителю поносить не слѣдуетъ: ни Вавилономъ, ни центромъ нечестія именовать никакъ не подлежитъ“ ¹⁾. Едва-ли затѣмъ безъ какихъ-либо высшихъ побужденій, Св. Синодъ въ ноябрѣ 1814 г., на одномъ весьма благопріятномъ отзывѣ цензуры положилъ слѣдующую резолюцію: дозволить, съ тѣмъ, однако, чтобы, при напечатаніи оной, въ надлежащемъ мѣстѣ означено было, что переведена съ иностраннаго языка, не имевъ французской“ ²⁾.

Незначительное количество противораскольническихъ трудовъ въ данное время и осторожность цензуры при ихъ рассмотрѣніи, также, безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи съ циркуляромъ по свѣтской цензурѣ (въ январѣ 1812), чтобы въ осужденіе и осмѣяніе старообрядцевъ не дозволялось ничего печатать, поелику отъ правительства приняты уже потребныя къ наставленію ихъ мѣры“.

Что же касается противосектантскихъ сочиненій, то такая зависимость не можетъ подлежать сомнѣнію. Еще на первомъ году своего царствованія Александръ I ясно выразилъ свою точку зрѣнія и волю насчетъ отношеній къ заблуждающимъ въ секретномъ рескриптѣ губернаторамъ. „И разумомъ и опытами давно уже дознано, что умственные заблужденія простого народа преніями и увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь,—единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало по малу изглаждаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться а на немъ то основано было и повелѣніе данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ при возвращеніи ихъ во свояси. Сіе увѣщаніе никакъ не должно имѣть вида допросовъ, состязанія и открытаго образу ихъ мыслей насилія, но должно само собою и непримѣтно изливаться изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ, и наконецъ, изъ непринужденнаго, къ случаю, и съ видомъ, ненамѣренности направленныхъ на положеніе ихъ разговоровъ“.

¹⁾ М. Д. Ц., 1807, 26.

²⁾ Арх. Св. С., 1814, 1011.

Этотъ рескриптъ, сообщенный по секрету же и епархіальнымъ архіереямъ, долженъ былъ служить руководствомъ по данному предмету. Руководилась ими и московская цензура. Такъ, въ 1816 г. представлено было въ нее Пензенскимъ епископомъ Аѳанасіемъ, основанное на документальныхъ источникахъ, сочиненіе: „Догматы, малаканскую ересь содержащія“. Цензура нашла, что хотя книга по исправности слога и правильному расположенію приводимыхъ доказательствъ и заслуживаетъ одобреніе, но чтобы почестъ ее несумнительною къ напечатанію,—сіе несообразно было бы съ тѣми предписаніями, каковыя по высочайшей волѣ объявлены наблюдать при открывшихся заблужденіяхъ малакановъ. Обо всемъ этомъ и сообщено было по секрету пр. Аѳанасію ¹⁾.

Впрочемъ, хотя цензура духовная и соображалась съ правительственными взглядами, но едва ли всегда могла стать на чисто государственную точку зрѣнія,—напр. о полной вѣротерпимости. По крайней мѣрѣ, въ отзывѣ о упомянутомъ уже сочиненіицѣ „Утѣшеніе дщери Іудейской“ цензоръ говоритъ: авторъ, научая съ духомъ Христовымъ согласной терпимости въ религіяхъ, считаетъ въ числѣ послѣднихъ и злоумышленные суевѣрія жидовскія, упорное противоборство ясной истинѣ,—которыя заслуживаютъ ли имя терпимой религіи?“.

Еще труднѣе было оріентироваться ей въ такихъ вопросахъ, на которые еще не выяснилась официальная точка зрѣнія. Повидимому, здѣсь цензура склонна была слѣдовать правилу: умолчанное въ законѣ—недозволено. Такъ въ томъ же сочиненіи „несообразности съ государственными правилами“ состояли въ томъ, что авторъ дѣлалъ убѣдительный призывъ евреямъ поселиться на землѣ, которую отведетъ имъ правительство, и заняться скотоводствомъ подъ управленіемъ старшинъ.—Между тѣмъ, по замѣчанію цензуры, дача земли для поселенія Іудейскаго народа въ Россійскомъ государствѣ единственно зависитъ отъ воли вышняго правительства, поэтому, не имѣя о семъ предметѣ никакихъ обнародованныхъ государственныхъ узаконеній, сочинителю и въ сужденіи о сеѣ матеріи входить едва ли слѣдовало.

¹⁾ М. Д. Ц., 1816, 9.

Щепетильность цензуры въ дѣлѣ охраненія установленій правительства, заставляла ее видѣть посягательство или неуваженіе къ нимъ тамъ, гдѣ на дѣлѣ этого и не было. Въ критикѣ на „Теософію или Богомудрость“ читаемъ: въ каждой почти главѣ своей книги авторъ самымъ грубымъ образомъ касается нынѣшняго образа свѣтской жизни, опорочивая принятія уже и позволительныя обыкновенія, какъ-то прическу волосъ, покрой платья, приготовленіе кушаній и пр., чрезъ что дѣлаетъ свою книгу отвратительной и несносной.

Впрочемъ, нужно добавить, что это писалось въ 1802 году. Цензоры не могли не помнить, что не далѣе, какъ годъ—два назадъ все это—прическа, покрой платья были „Государственнымъ правиломъ“, а нарушеніи ихъ—государственнымъ преступленіемъ...

С) Самымъ неопредѣленнымъ изъ всѣхъ четырехъ критеріевъ цензуры являлось, несомнѣнно, „благонравіе“.—Какія частнѣйшія черты и объемъ этого понятія,—все ли, несогласное съ этимъ принципомъ, и—главное—всегда ли должно быть исключено изъ печатныхъ произведеній,—вотъ вопросы, которые, безспорно, смущали cadaго цензора, рѣшались болѣею частью по личному его разумѣнію, да едва ли и могли быть рѣшены внѣ сферы субъективизма.

Въ 1831 году, въ своей рецензіи на третье изданіе „Размышлений“ Іерусалема, „Телескопъ“ могъ уже самоувѣренно писать: „къ чести нашего вѣка должно сознаться, что бессмысленное и дерзкое кощунство, бывшее единственнымъ оружіемъ школы Вольтера, нынѣ совершенно притупилось. Глумленіе Вольтера, тѣшившее нѣкогда легкомысленную суетность и отозвавшееся было во всѣхъ концахъ вселенной адскимъ хохотомъ, теперь возбуждаетъ одно жалкое презрѣніе“. Но не могли еще приписать себѣ такой чести (?) свидѣтели переходнаго времени,—иначе говоря,—всей Александровской эпохи. Довольно полую и живую ея характеристику даетъ Н. Дубровинъ въ началѣ очерковъ „Наши мистики-сектанты“. Не останавливаясь на ней, замѣтимъ, что переходный характеръ эпохи сказался и на отзывѣхъ членовъ моск. духов. цензуры о книгахъ, затрогивавшихъ еще большія мѣста...

Съ одной стороны, наличность отзвуковъ адскаго хохота

вселенной даже въ нашихъ медвѣжьихъ углахъ, посящаемыхъ и просвѣщаемыхъ французами,—доказывала всю бесполезность цензурныхъ замалчиваній. Поэтому и цензура, сознавая необходимость борьбы одинаковымъ оружіемъ, въ принципѣ готова была снисходительно относиться къ недостаткамъ отечественныхъ сочиненій, полемизирующихъ съ вольномысліемъ, привѣтствуя уже самый фактъ ихъ появленія. Однако, правительственная тенденція конца XVIII в., направленная къ замалчиванію вольтерьянства, сначала ради покровительства,—а потомъ изъ страха предъ нимъ,—не прошло безслѣдно. Самостоятельная работа мысли была подавлена, и смѣнилась пассивнымъ отношеніемъ, особенно въ средѣ духовенства. Отсюда въ началѣ разсматриваемаго періода и первые опыты полемики съ энциклопедистами далеко не отличались совершенствомъ.

Правда, они съ большою энергіей стремились опровергать деизмъ *per se* на почвѣ той же философіи. Но недисциплинированный умъ не могъ разобраться въ агрегатѣ мнѣній. Случилось, что поставивъ цѣлью сочиненія защиту, напр., истины творенія и воскресенія, путемъ систематизаціи философскихъ идей, близкихъ къ Откровенію,—авторъ на дѣлѣ наполнялъ его „лишь одними бреднями древнихъ философовъ, піитическими вымыслами и міеологическими пустыми баснями, — которыя неутвержденнаго читателя не только соблазняютъ, но и въ невѣріе привести могутъ“. Иной авторъ, въ доказательство своихъ положеній приводилъ еще болѣе вульгарный матеріалъ: простонародныя сказки о колдунахъ, за нѣсколько сотъ верстъ насылающихъ на людей стрѣлы или какія то занозы любовныя; повѣствованія о хожденіи по домамъ мертвоцовъ; самыя пасквильныя пословицы. Вообще, по мнѣнію цензуры, весь собранный имъ матеріалъ представлялъ сплошное нарушеніе общаго правила: *sacra profanis non sunt miscenda, multo magis profana sacris*.

Только съ возрожденіемъ у насъ высшаго академическаго образованія начали появляться и болѣе удачныя „разсужденія противъ новѣйшихъ вольнодумцевъ“—(напр. студента Кутневича). Впрочемъ они одобрялись къ печати уже помимо Московской Цензуры.

Чтобы удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ времени ревнители вѣры должны были обратиться къ болѣе основатель-

нымъ опытамъ западной апологетики. Но здѣсь то собственно и начинался для цензуры рядъ сомнѣній, центромъ котораго было „благонравіе“.

Основательная полемика предполагаетъ, конечно, объективное изложеніе мнѣній противника. И вотъ именно это изложеніе смущало цензуру, рисовало ей пагубныя послѣдствія для слабыхъ читателей и приводило ее нерѣдко къ отрицательнымъ заключеніямъ. Для примѣра приведемъ здѣсь ходъ мыслей въ цензурномъ отзывѣ о книгѣ Вержье „Историческое и догматическое изслѣдованіе о истинной религіи (перевод. Іеромонаха І. Величковскаго). Авторъ, говоритъ цензоръ, имѣлъ повидимому, цѣлью защиту истины христіанства чрезъ опроверженіе заблужденій разныхъ вѣковъ. Однако, собранныя въ книгѣ весьма нелѣпыя и богохульныя положенія всѣхъ безвѣровъ и вольнодумцевъ, столь пространно и слово въ слово изъ книгъ ихъ выписанныя и составляющія наибольшую часть сочиненія, могутъ породить въ умахъ слабыхъ великія сомнѣнія и посѣять въ сердцахъ пагубный развратъ невѣрія, какъ самый опытъ безчисленные тому представляетъ примѣры. Цѣлая куча вольнодумческихъ умствованій, не имѣя удовлетворительныхъ возраженій, безъ сомнѣнія, болѣе займетъ вниманіе, нежели сдѣланныхъ на нихъ отвѣты ¹⁾“.

Но если заботливостью объ умахъ „слабыхъ“ читателей цензура могла еще мотивировать свое отрицательное отношеніе къ изданію слабыхъ же произведеній, то далеко не для всѣхъ былъ убѣдителенъ этотъ критерій при цензурѣ своего рода классическихъ опытовъ западной полемики съ безбожіемъ.

То были произведенія, которыя, не обинуясь, ставили на вѣсы критики важнѣйшія истины религіи, безпристрастно выдвигали современныя возраженія и давали солидные выводы въ блестящей иногда формѣ (Іерусалемъ). Писанныя же не рѣдко лицами, въ своей душѣ переживавшими XVIII вѣкъ, они со всею жизненностью изображали весь процессъ этой мучительной борьбы, и естественно отливались въ формѣ

¹⁾ Арх. Св. С., 1806, 16

діалога между яримъ вольнодумцемъ и благочестивымъ монахомъ („Торжество Евангелія“).

Однако, составленные въ пылу увлеченія, они не щадили многого, особенно того, чего и нельзя было защищать, напримѣръ, многихъ крайностей и наслоеній католичества. А, становясь на почву исторіи, авторы этихъ сочиненій дѣлали частичныя уступки, допускавшія, при логическомъ развитіи, выводы, „противные христіанской религіи“.

Однимъ словомъ, по конкретному опредѣненію цензора Слб. духовно-цензурнаго комитета Иннокентія (Смирнова) это были книги, которыя можно уподобить сильно дѣйствующему лекарству; оно можетъ быть полезно, ежели употребить противъ той болѣзни, для которой приготовлено, но можетъ только усилить болѣзнь, если употребится не въ той болѣзни, для которой приготовлено ¹⁾).

Люди сильные духомъ, обращавшіе вниманіе главнымъ образомъ на положительныя достоинства такихъ книгъ и на запросы времени, принимали ихъ подъ свою защиту, проводили, если не чрезъ одну, то чрезъ другую (и третью) цензуру и съ успѣхомъ издавали ихъ. Но московская духовная цензура именно въ силу своей опасливой точки зрѣнія относительно вреда для благочервія отъ такихъ книгъ, поступала иначе. Вскользь упоминая въ первой половинѣ уступительнаго періода о „превосходныхъ качествахъ творенія, его краснорѣчіи, увлекательности, способности заманить всякаго къ чтенію ея“, цензура всю вторую половину посвящала на разоблаченіе скрывающагося въ томъ же твореніи „подслащеннаго яда, могущаго прельщать простодушныхъ христіанъ“, — на указаніе „пагубныхъ умствованій относительно многихъ откровенныхъ истинъ и принадлежностей христіанской религіи ²⁾).

И чѣмъ дальше, тѣмъ пессимистичнѣе стала смотрѣть московская цензура на такое заимствованіе съ запада обоюдоостраго оружія. Въ одномъ отзывѣ она такъ выражаетъ свою точку зрѣнія: „умноженіе подобныхъ книгъ, съ французскаго языка переводимыхъ, вольностью и дерзостью ды-

¹⁾ Чистовичъ Н. Руководящіе дѣятели.

²⁾ Арх. Св. С., 1807, 293

шущихъ не можетъ ничего добраго предвѣщать для истинной христіанской религіи ¹⁾).

Что касается произведеній, въ которыхъ выражалось мистическое движеніе, то какъ все оно прошло мимо духовной цензуры, такъ въ частности и эти сочиненія вносились на судъ московской цензурной лишь изрѣдка. Впрочемъ, нѣкотораго зондированія здѣсь почвы со стороны ревнителей движенія отрицать нельзя. По крайней мѣрѣ едва ли безъ какого-либо намѣренія въ 1802 года извѣстнымъ мистикомъ И. Лопухинымъ была прислана въ цензуру библія на нѣмецкомъ языкѣ съ слѣдующею надписью: „Въ библіотеку Московской духовной цензуры изъ усердія къ распространенію внутренняго царства Господня въ душахъ, для обращенія на пользу онаго основательнымъ изъясненіемъ Слова Божія, въ книгахъ Св. Писанія откровеннаго, сію библію въ шести томахъ подарилъ сенаторъ Ив. Лопухинъ. 15 марта 1802 г.“ ²⁾).

Однако, принявъ даръ съ чувствіемъ благодарности, какъ сказано въ протоколѣ, цензура не сдѣлалась сообщницей сенатора по распространенію внутренняго царства Господня въ душахъ. Трактовать только о внутреннемъ христіанствѣ она считала вреднымъ для благочестія и благонравія ³⁾. Мнѣнія, свойственныя только сему роду христіанъ, которые Масонами, Мартинистами и Гренгутами именуются, считала весьма соблазнительными ⁴⁾. И, вѣроятно, именно московскую цензуру имѣлъ въ виду упомянутый Ив. Лопухинъ, когда писалъ такіа горячія строки:

„Въ духовную цензуру не отдамъ, для того, что это бы все равно было, какъ въ огоньъ манускриптъ бросить. Она, между нами сказать, только прилежно смотреть, чтобы какъ-нибудь не пробился духъ благій въ сердце. Нынѣ уже за что хватилась: не только того не пропускать, что, по ея недостаточному, превратному или ложному понятію о истинной духовности, кажется противнымъ, но что-де бы можно и хорошо, да свѣтскимъ писано, а это-де бы намъ писать,“

¹⁾ МДЦ., 1806, 7.

²⁾ МДЦ., 1802, 9.

³⁾ МДЦ., 1802, 19.

⁴⁾ ДМЦ., 1806, 17.

такъ это намъ безчестіе,—не пропустимъ. Вотъ такая жалость!“¹⁾).

Д) Въ своемъ знаменитомъ проектѣ секретной инструкціи цензурнымъ комитетамъ Магницкій, отыскивая легальные поводы къ запрещенію возможно большаго числа произведеній, между прочимъ писалъ: „къ запрещенію часто можно найти предлогъ въ неисправности самаго слога и тому подобномъ“²⁾).

И если бы не существовало въ началѣ XIX вѣка особыхъ причинъ усиленія неисправности слога и погрѣшностей въ языкѣ—мы могли бы счесть большинство духовно-цензурныхъ отзывовъ за сплошной, лишь болѣе или менѣе удачно замаскированный, подкопъ подъ авторскую и издательскую дѣятельность, по рецепту—формулированному потомъ Магницкимъ. Такъ часто фигурируетъ въ нихъ четвертый критерій „Литтература“, и такъ часто насккивали на этотъ камень труды авторовъ, подвергаясь разнаго рода аваріямъ.

Но, конечно, достаточно вспомнить радикала въ филологическихъ вопросахъ Карамзина и консерватора А. С. Шишкова, чтобы сразу представить значеніе данной эпохи въ эволюціи нашего языка. Борьба ихъ направленій, защита иностраннаго вліянія на русскій языкъ одними и противопоставленіе ему богатствъ и исключительнаго главенства славянскаго языка другими, судорожныя трепетанія школьной схоластики, все это создавало зыбкую филологическую и литературную почву съ немалымъ просторомъ для личныхъ мнѣній.

Ослабленіе цензурныхъ строгостей въ началѣ XIX в. и свобода заведенія типографій на правахъ „прочихъ фабрикъ и рукодѣлій усилили издательскую дѣятельность³⁾. Не было здѣсь недостатка и въ промышленникахъ, которые безъ разбору предавали печатному станку произведенія ремесленниковъ или сами фабриковали компіляціи изъ прежнихъ книгъ, хотя бы устарѣвшихъ и далеко отставшихъ отъ вѣка. Большинство такихъ продуктовъ, даже „относящихся къ вѣрѣ святости“, правда, прошло мимо духовной цензуры и

¹⁾ Русская ст. 1895, I, 76.

²⁾ Сухомлиновъ. Матер. по ист. рус. просвѣщенія, т. III.

³⁾ П. С. Зак., XXVII, 20. 139.

синодальныхъ типографій. И лишь тѣ изданія, самыя заглавія которыхъ, слишкомъ явно обличали характеръ ихъ содержанія, чаще считались съ мнѣніемъ „церковной цензуры“.

Таковы, напримѣръ, были слѣдующіе шедевры Богословія: „Θεосоφία, или Богомудрость“, „Испытаніе двухъ истинъ, полезнѣйшихъ человѣческому роду: о началѣ человѣка и воскресеніи мертвыхъ“, „Ключъ къ познанію истинныхъ совершенствъ или догматовъ греко-россійской церкви“—Де-Бодана, и т. п. ¹⁾

А чтобы намъ имѣть ключъ къ познанію истинныхъ литературныхъ совершенствъ такихъ произведеній и убѣдиться въ мотивахъ ихъ писателей, приведемъ съ буквальной точностью отрывокъ изъ прошенія упомянутаго Де-Бодана Митр. Амвросію (съ посвященіемъ и приложеніемъ рукописи): „Всепоосвященнѣйшій Владыко! Гремящій по всюду слухъ! О великости Души: и о не усыпномъ наблюденіи и попеченіи въ переніи благоустройства—закона! Не токмо, чтобы распространялось въ предѣлахъ въ вѣранныхъ В. В—ству? Но і вѣлиало наислатчайшія ручки своя! даже до дальнѣйшихъ предѣловъ Россіи! Но что еще рещи! Коснулось истоками даже до хижинны посѣдѣвшаго старца, которой посвятивши лутчія свои лѣта службе, будучи во многихъ походахъ, штурмахъ, Атакахъ, і сраженіяхъ отъ врѣменъ В. Елизаветы, чрезъ сорокошестилѣтнее пребываніе! Нынѣ проживать долженъ съ беднымъ своимъ семѣйствомъ въ набедственнѣйшемъ состояніи, неимѣя протекціи“ ²⁾.

Прошенію соотвѣтствовало и произведеніе, и если не во всемъ своемъ объемѣ представляло такой ужасный литературный видъ, то лишь потому, что, при изложеніи догматовъ, авторъ, благоразумно ограничился почти дословною перепискою символа вѣры и „изложеній вѣры“ Анастасія Антиохійскаго, и Кирилла Александрійскаго, содержащихся въ Слѣдованной псалтири.

Въ виду такого безотраднaго положенія многихъ рукописей въ стилистическомъ и грамматическомъ отношеніи, а также въ силу напоминаній Синода о исправности издавае-

¹⁾ Арх. Св. С., 1802, 363.

²⁾ Арх. Св. С., 1803, 274.

мыхъ книгъ и съ литературной стороны ¹⁾, члены цензуры не всегда могли уклониться отъ роли справщиковъ. Рукописи, не совсѣмъ безнадежныя, они „исправляли въ словахъ и цѣлыхъ выраженіяхъ“. Тогда конечно и „синтаксическое сочиненіе, риторическія раздѣленія и надлежащая идей сообразность“ являлись предметомъ вниманія и заботливости цензуры ²⁾. Обыкновенно же, поручая дѣло исправленія самимъ авторамъ, она дѣлала затѣмъ новую провѣрку.

Съ негодованіемъ осуждая на архивное тлѣніе рукописи, „писанныя такимъ штилемъ, каковой обыкновенно употребляется въ русскихъ сказкахъ, которыя простолюдины пересказываютъ другъ другу отъ самаго непросвѣщеннаго древности“, цензура не смѣшивала съ нимъ удобопонятности изложенія ³⁾. Даже „Краткой христіанской Богословіи“ іеромон. Ювеналія цензура прямо рѣшается поставить въ заслугу употребленную въ ней простоту штиля и выговора, что можетъ послужить для простыхъ читателей къ болѣе легкому усвоенію ея и изложенныхъ въ ней правилъ христіанской жизни ⁴⁾.

Руководясь тѣми же интересами читателей, цензура нерѣдко многое прощала сочиненіямъ, если видѣла въ нихъ душевное изложеніе, чувствованія благочестивыя, и прекрасныя выраженія, хотя этотъ субъективизмъ и—не всегда одобрялся Синодомъ ⁵⁾.

Почти тѣми же взглядами руководилась цензура и при опредѣленіи литературныхъ достоинствъ сочиненій, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ. Цензура не всегда требовала отъ переводчиковъ рабскаго копированія подлинниковъ „Отмѣнной похвалой“ наградила она одного переводчика, когда оказалось, что онъ перевелъ не все слово въ слово, но, насколько возможно, старался извлечь изъ нея самое полезнѣйшее и разительнѣйшее, сохраняя свойство и чистоту русскаго языка ⁶⁾.

¹⁾ МДЦ. 1814, 9.

²⁾ Арх. Св. С., 1810, 985; 1803, 609.

³⁾ Арх. Св. С., 1802, 55.

⁴⁾ Арх. Св. С., 1804, 905.

⁵⁾ Арх. Св. С., 1806, 231.

⁶⁾ Арх. Св. С., 1804, 149.

Иная участь постигала конечно переводы, авторы которых брались за дѣло, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній ни въ родномъ ни въ иностранныхъ языкахъ. Особенно легко запутывались такіе прелагатели въ сѣтяхъ высокаго штиля нѣмецкаго языка, когда весь переводъ ихъ превращался въ сплошную бессмыслицу и сдавался въ архивъ ¹⁾).

Анализъ цензурнаго критерія „Литтературы“ далъ уже довольно широкое спектральное поле, тѣмъ не менѣе нужно указать еще одинъ самый крайній и рѣдкій уголъ преломленія. Неожиданный съ точки зрѣнія идеи о собственно-цензурномъ учрежденіи, онъ вполне понятенъ въ московской цензурѣ, какъ одинъ изъ ея пережитковъ. Имѣемъ въ виду обязанность цензуры въ нужныхъ случаяхъ устанавливать подлинность разсматриваемаго ея произведенія. Такъ именно было съ неизданными дотолѣ проповѣдями Св. Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго.

Въ первомъ случаѣ Св. Синодъ прямо предписалъ цензурѣ доставить необходимыя доказательства подлинности найденныхъ словъ. И цензура обстоятельно сообщила, какъ внѣшніе такъ и внутренніе признаки, утверждающіе принадлежность проповѣдей святителю. Признаны онѣ подлинными, рапортовала она, какъ по совершенно однообразному слогу и фразамъ, находящимся въ изданныхъ уже его сочиненіяхъ, такъ и по согласію съ духомъ, которымъ проникнуты послѣднія, наконецъ, даже по самому порядку расположенія словъ. Да и найдены онѣ были въ домашней бібліотекѣ Сыромятникова, между рукописными твореніями Св. Димитрія.

Св. Синодъ, опредѣливъ справиться съ прецедентами (1782 и 1785 г. г.) дозволилъ изданіе этихъ словъ ²⁾).

Во второмъ случаѣ, цензура поставила вопросъ о подлинности словъ Стефана Яворскаго уже по собственной инициативѣ, хотя и не могла дать окончательнаго рѣшенія.

Соглашаясь, что по стилю и фразамъ онѣ соотвѣтствуютъ началу XVIII вѣка, и по своему полемическому содержанію могутъ быть приписаны перу мѣстооблюстителя (на что указывала надпись позднѣйшаго, правда, времени), цензура

¹⁾ Русск. Ст. 1894 г.

²⁾ Арх. Св. С., 1802, 392.

тѣмъ не менѣе уклонилась отъ признанія ихъ, по однимъ этимъ доводамъ, за безусловно подлинныя произведенія Ст. Яворскаго.

Правда, это ея колебаніе не отразилось на судьбѣ проповѣдей. Повидимому, различая роли ученаго критика и свою собственную, цензура добавила: чьи бы эти рѣчи подлинно ни были, въ виду того, что по содержанію онѣ истинны, нужны и полезны для христіанъ, онѣ должны быть напечатаны, хотя и съ исключеніями ¹⁾.

Болѣе выдающимися духовными цензорами въ данный періодъ, съ довольно рѣзко очерченною индивидуальностью, являются члены московской цензуры—В. Ивановъ, Геннадій, Иннокентій, Владиміръ и Чаковъ (Никольскій).

1815 г. ноября 12 дня отъ сторожа московской духовной цензуры поступилъ въ общее собраніе рапортъ о томъ, что живущій въ оной цензурѣ второй членъ, Благовѣщенскаго собора *пресвитеръ, Василій Іоанновичъ* сего числа, въ 6 ч. пополудни, по воли Божіей, скончался ²⁾.

Общее собраніе членовъ поручило своей канцеляріи составить опись оставшагося имущества. И вотъ эта посмертная опись, въ частности каталогъ 160 книгъ, нѣсколько помогаютъ выяснить обликъ пресвитера Иванова, въ теченіе шестнадцати лѣтъ,—въ болѣе свѣтлую половину александровскаго царствованія, состоявшаго членомъ московской цензуры.

На первомъ планѣ въ описи стоятъ *Theologia dogmatica Schubert'a* (изд. 1749), *Theologia moralis Buddei* (1727), *Philosophia Baumeisteri* (1786); *beconamia salutis Evangelica* (изд. 1733 г.) и другія пособія, сохранявшіяся у В. Иванова, вѣроятно, отъ временъ ученія его въ рязанской семинаріи и московской академіи. Потомъ списокъ становится разнообразнѣе, напримѣръ: Лѣтопись св. Димитрія Р.; О истинномъ христіанствѣ; Нравы израильтянъ; Путешествіе китайскаго посланника; Политическое завѣщаніе де-Ришелье; Драгоценная меду капля изъ камня—Христа; Начальныя основанія вексельнаго права; Христіанинъ въ уединеніи; Начала противъ безвѣрія; Загадочный міръ; Православное исповѣданіе;

¹⁾ Арх. Св. С., 1803, 609.

²⁾ МДЦ. 1815, 16.

Риторика Ломоносова; Всеобщій секретарь или письмовникъ; Краткій и всеобщій чертежъ наукъ; Существенное изображеніе естественныхъ народныхъ обществъ; Плоды уединенія; Натура и благодать и т. д.

Въ концѣ списка весьма кстати находимъ Энциклопедію изд. 1763 г. Весь умственный багажъ этого члена цензуры былъ своего рода энциклопедіей, на основѣ, однако, Буддея и Баумейстера. Зная все, В. Ивановъ считалъ себя вправѣ категорически высказываться по вопросамъ и астрономіи и философіи и политики ¹⁾.

Что касается, въ частности, духовной литературы, то, собственно говоря, В. Ивановъ не вѣрилъ въ ея развитіе, не былъ твердо убѣжденъ и въ необходимости этого развитія. Неоднократно въ его рецензіяхъ встрѣчается сентенція: „и безъ сей книжки, при проповѣдуемомъ повсюду въ Россіи Евангельскомъ ученіи, христіанское благочестіе около тысячи лѣтъ процвѣтаетъ“; или: „христіанская церковь и безъ сего, многихъ погрѣшностей исполненнаго, сочиненія существуетъ и торжествуетъ осмнадцать вѣковъ и... будетъ существовать до скончанія вѣка ²⁾).

По всякому вопросу онъ уже находилъ въ себѣ ту или иную привычную точку зрѣнія, и износилъ старое и новое въ своихъ рецензіяхъ. Онъ оживлялся въ тѣхъ случаяхъ, когда его отзывъ требовали книги, содержащія отзвуки того круга идей, которыми жила духовная школа восемнадцатаго вѣка. Охотно онъ вступалъ въ подробную логомахію по поводу какой-либо отжившей догматической онтологіи, съ нескрываемымъ удовольствіемъ анализировалъ проповѣди со стороны матеріи и формы „по правиламъ священной риторики“; чувствовалъ величіе содержанія и красоты „изящныхъ богословіи докторовъ“, наконецъ безъ труда уличалъ и обличалъ плагіаты губернскихъ секретарей изъ ихъ твореній ³⁾.

Зато въ обратномъ пропорціональномъ ко всему этому отношеніи стояла чуткость Иванова къ запросамъ своего времени, а тѣмъ болѣе—будущаго. Нечего говорить, что онъ

¹⁾ МДЦ. 1813, 34; 1804, 8; 1807, 26.

²⁾ МДЦ. 1810, 19; 1813, 36.

³⁾ МДЦ. 1804, 16 и 26; 1803, 16; 1808, 9; 1801, 29; 1805, 11.

съ недовѣріемъ относился къ тому, что возвышало растлѣнный человѣческій разумъ, и тѣмъ подавало поводъ къ вольномыслию и натурализму для малопросвѣщенныхъ ¹⁾. Книгъ съ подобнымъ содержаніемъ, какъ увѣрялъ самъ Ивановъ, онъ по совѣсти и должности своей не могъ одобрять ²⁾. Внушала ему страхъ и „аглинская вольность“ Іерусалема въ обращеніи съ повѣствованіями свящ. книгъ, и двусмысленности и ложныя вѣтоезы мистицизма. Опасался также пресвитеръ, что случайная цитата изъ Тертулліана можетъ распространить и утвердить антропоморфическую ересь, между прочимъ, среди нашихъ раскольниковъ. И смущаемый отовсюду, грозившими призраками, готовъ былъ цензоръ ставить книгъ въ заслугу уже то одно, если „не было въ ней защиты, индифферентизма, синкретизма и вѣръ терпимости“ ³⁾.

Однако допуская, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ В Ивановъ дѣйствовалъ съ полною, какъ онъ выражался, искренностью и чистою совѣстью, приходится наблюдать факты, гдѣ эти нравственные критеріи стоятъ подъ сомнѣніемъ. Онъ оказался способнымъ оцѣнку сочиненій ставить въ зависимость отъ своихъ—закулисныхъ для насъ—личныхъ антипатій. Въ этомъ отношеніи интересны „дѣла“ о разсмотрѣніи имъ сочиненій и переводовъ московскихъ священниковъ І. Кандорскаго и І. Полубенскаго.

Кандорскій былъ въ свое время одинъ изъ немногихъ лицъ образованнаго духовенства, которые стремились бороться съ тогдашнимъ вольномысліемъ путемъ литературы. Своей спеціальностью онъ избралъ переводъ на русскій языкъ лучшихъ полемическихъ сочиненій французскихъ писателей. Сначала онъ имѣлъ возможность издавать свои труды съ одобренія гражданской цензуры, но, когда послѣдняя стала „отрекаться“ цензуровать его „нравственныя сочиненія“,—оказалось необходимымъ обратиться въ духовную цензуру. Здѣсь то и подстерегалъ его В. Ивановъ. Онъ считалъ какъ бы своимъ долгомъ, вопреки даже самымъ лестнымъ отзывамъ своихъ коллегъ, раскритиковать каждое

¹⁾ МДЦ. 1803, 15.

²⁾ МДЦ. 1813, 15.

³⁾ МДЦ. 1812, 17; 1810, 9; 1813, 19.

изъ сочиненій Кандорскаго. Когда остальные члены признавали переводъ полезнымъ для церкви, Ивановъ отыскивалъ тамъ любострастные выраженія, фразы необдуманныя, положенія недоказанныя, примѣры соблазнительные и романicheskie, подающіе наставленіе къ разврату ¹⁾ и т. д. Гдѣ они отмѣчали чистоту слога, ясность и пріятность изложенія, Ивановъ не стѣснялся называть переводъ весьма темнымъ, термины не понятными, конструкцію въ періодахъ неполною и бессмысленною, противною чистой и исправной литературѣ ²⁾. Находя въ переводѣ полемическую свободу и живость доказательствъ, Ивановъ тотчасъ выступалъ съ особымъ мнѣніемъ, гдѣ доказывалъ, что всякая полемика и защита вѣры неизмѣнно должна слѣдовать такому шаблону: 1) convictio или убѣжденіе противника: долженствуетъ въ себѣ содержать его мнѣніе или ученіе, взятое изъ его сочиненій; 2) подлинный смыслъ и изъясненіе противничьей сентенціи; 3) противника о томъ доказательства, коими онъ утверждаетъ свое мнѣніе; 4) разсмотрѣніе по частямъ его доказательствъ, ихъ свойствъ, силы или слабости и связи съ предложеніемъ 5) противоположное тому сужденіе и ученіе 6) принадлежащія къ тому вѣрныя и сильныя доказательства, съ опроверженіемъ противныхъ доказательствъ. Такимъ образомъ, заключалъ Ивановъ, убѣждается чловѣкъ къ познанію и принятіи истины и къ отриновенію своихъ погрѣшностей и заблужденія. Такимъ образомъ поступали Тертулліанъ и Лактанцій противу язычниковъ; Оригенъ—противъ Цельса..., Кардиналь Полиньякъ—противъ Люкреція. Послѣ такихъ предпосылокъ, вполне естественно слѣдовало уже заключеніе: въ представленномъ убѣжденіи вольнодумца такого метода и служащихъ (къ сему) правилъ не видно;... сочиненіе сіе есть экстрактъ вольнодумства, сокращеніе всего того злоторнаго и пагубороднаго, о чемъ милліоны російскихъ христіанъ не знали бы и не видали..., а потому и издавать сію книжку не слѣдуетъ ³⁾.

Съцѣлю успѣшнѣе дискредитировать сочиненіе, пресвитеръ Ивановъ не брезгалъ даже подтасовками, въ чемъ и ули-

¹⁾ МДЦ., 1807, 20.

²⁾ МДЦ. 1808, 22.

³⁾ МДЦ. 1810, 19.

чали его иногда преслѣдуемые имъ авторы. Напр. въ фразѣ противораскольническаго сочиненія: „Ежели кто все Св. Писаніе точію по буквальному начертанію просто и вещественно пріемлетъ,—сіе служить во вредъ и гибель душевную“—цензоръ пропускалъ слово „точію“, условной мысли придавалъ утвердительный характеръ и достигалъ своей цѣли. Вообще Ивановъ безспорно повиненъ въ томъ, въ чемъ укоряетъ его Кандорскій: Г. Цензоръ выставляетъ мысль сочинителю не въ полной связи, а въ отрывкѣ... Между тѣмъ великая разность опустить или не досмотрѣть единое слово, ибо выходитъ часто совсѣмъ мысль иная (какъ если бы напр., въ рѣчи ап. Павла къ ареопагу опустить частицу *акі*: мужіе Аѳинстін, по всему вы зрю *акі* благочестивыя ¹⁾).

Наконецъ, для ускоренія дѣла, Ивановъ изрѣдка прибѣгалъ и къ полуофициальнымъ доносамъ на имя м. Новгородскаго Амвросія, который былъ благосклоненъ къ „святѣйшимъ отцамъ“ цензуры В. Иванову и Іакову Дмитріеву ²⁾).

Недружелюбныя отношенія Иванова къ полемисту противъ раскола Полубенскому (или Петреву) не обрисованы такими яркими красками, и выражались главнымъ образомъ въ педантичной привязчивости. „Христось пострадалъ на крестѣ, который имѣлъ осмиконечную фигуру, говорится напр. въ сочиненіи. „Новый опытъ доводовъ къ увѣренію старообрядцевъ“. Сіе несправедливо, возражалъ цензоръ, поелику титло по распятіи уже Христа ко кресту было прибито. „Бога ради, защищался Полубенскій, сіе прошу оставить такъ, какъ есть, понеже въ предложеніи моемъ нѣтъ ни малѣйшей несправедливости. Христось Господь и тогда еще страдалъ, когда титло было прибито, и пострадалъ на осмиконечномъ крестѣ, какъ между прочимъ видно на крестахъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ ³⁾“. Какія еще нужны пренія?

Вслѣдствіе подозрительнаго отношенія цензора къ многочисленнымъ ссылкамъ на раскольническія рукописныя тетради, которыя-де рѣдко кто видѣлъ и имѣеть, Полубен-

¹⁾ МДЦ. 1809, 15.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ гдѣ состоялъ В. Ивановъ (.)

скій оправдывается: какая мнѣ въ семь нужда, что документы, изъ которыхъ я бралъ, рѣдко кто видѣлъ и имѣлъ. Дѣло со старообрядцами, которымъ всѣ они извѣстны и переизвѣстны. Притомъ „отвѣты Алексѣева, Поморскіе отвѣты уже напечатаны, по дозволенію Св. Синода“. Вообще, характеръ этихъ пререканій—язвительныхъ со стороны цензора и проникнутыхъ тонкой ироніей со стороны автора, хорошо обрисовывается изъ слѣдующаго вопроса отвѣта: Ивановъ выражаетъ недоумѣніе насчетъ значенія приведеннаго авторомъ термина „Ловець силлавъ и срененій“. Подубенскій мѣтко отвѣчаетъ: прошу оставить такъ, какъ есть. Значить: человѣкъ, который за слова хватается, безъ всякаго, впрочемъ, разсужденія, и взято изъ Григорія Богослова ¹⁾).

Эти пристрастно-несправедливые отзывы Иванова обращали на себя даже вниманіе его товарищей. Пока предсѣдателемъ цензуры были Викторъ и затѣмъ Геннадій, имъ удавалось нерѣдко парализовать рѣшающее значеніе подобныхъ рецензій. Вотъ, напримѣръ, антикритика Виктора на доводы Иванова: „Такими общими замѣчаніями можно всякую книгу опорочить, и потому съ симъ мнѣніемъ согласиться предосудительно“. Или: „учинить по мнѣнію о. игумена (Геннадія); и я нѣсколько страницъ прочитавъ, вижу, что сочиненіе и переводъ хорошій“ ²⁾. Когда же прекратилась цензурная дѣятельность этихъ лицъ, и ихъ замѣнили архимандритъ Владиміръ и протопресвитеръ Іаковъ,—В. Иванову стало свободнѣе...

Продолжительное и довольно дѣятельное участіе въ дѣлахъ московской цензуры принималъ *игуменъ Геннадій*. Раньше онъ служилъ въ казанской епархіи, былъ лично извѣстенъ м. Амвросію (Подобѣдову) и по рекомендаціи послѣдняго опредѣленъ членомъ цензуры.

Владѣя свободно древними языками, Геннадій охотнѣе всѣхъ членовъ цензуры готовъ былъ заниматься переводомъ полезныхъ сочиненій. Эта склонность къ литературнымъ занятіямъ въ дѣятельности Геннадія, какъ цензора, имѣла свою положительную сторону, дѣлала его „чужіе труды уважающимъ“. Онъ безкорыстно излагалъ въ своихъ отзывахъ

¹⁾ МДЦ. 1800, 21.

²⁾ МДЦ. 1807, 20; 1808, 22.

подробные совѣты относительно улучшенія того или другого сочиненія; иногда самъ „по долгу благорасположеннаго цензора“, какъ выразился о немъ Викторъ, принималъ на себя обязанности автора или переводчика, составлялъ предисловія, исправлялъ мѣста не аккуратно отдѣланныя ¹⁾. Съ другой стороны, близко чувствуя всю тягость для авторовъ цензурной проволоочки, именно Геннадій выступилъ инициаторомъ проекта предоставленія цензурѣ самостоятельности при разсмотрѣніи мелкихъ сочиненій ²⁾.

Наконецъ, Геннадій старался сохранять возможную объективность при оцѣнкѣ сочиненій, и „дѣла“ прот. Кандорскаго, являясь укоромъ въ цензурной дѣятельности В. Иванова, тѣмъ сильнѣе отгѣняяютъ противоположную черту въ характерѣ Геннадія. Почти во всѣхъ случаяхъ рядомъ съ пристрастнымъ отзывомъ Иванова, въ качествѣ корректива, находится мнѣніе Геннадія. Достаточно сравнить двѣ тирады. Разсматривая „Духъ Массильона“, Ивановъ дѣлаетъ замѣчаніе: для людей и читателей, къ христіанскому благочестію твердо приверженныхъ, разсужденія помянутаго учителя, при всѣхъ его умственныхъ доказательствахъ и употребленномъ витійствѣ, не могутъ быть совершенно пріятны и удовлетворительны потому, что ни догматическія, ни правоучительныя статьи свидѣтельствомъ Св. Писанія не подтверждены, а на одномъ мудрованіи и витійствѣ католичкаго или папистическаго учителя полагаться не очень благонадежно“. На это, такъ сказать въ третьемъ лицѣ Геннадій возражаетъ: переводчикъ нынѣ попалъ на прекраснѣйшій оригиналъ. По всему видно, что авторъ (аббатъ де-ла Портъ), хотя католикъ, былъ человѣкъ благочестивый и умный. Ибо изъ сочиненія Массильона выбралъ мѣста, къ добродѣтели возбудительнѣйшія и съ Словомъ Божіимъ согласнѣйшія. И ежели въ сей книгѣ не видно самыхъ текстовъ Св. Писанія, то это отъ того, что въ ней помѣщены чувствованія человѣка, мудрствующаго во всемъ согласно Слову Б. и самому здравому разуму ³⁾!..

При всемъ томъ, и Геннадій, какъ и Викторъ, не обладалъ

¹⁾ МДЦ. 1807, 20.

²⁾ МДЦ. 1805, 10; 1806, 24.

³⁾ МДЦ. 1808, 8.

твердостью и мужествомъ многимъ изъ своихъ рецензій онъ любилъ придавать прямо уступительную форму вплоть до курьезовъ, вродѣ того, что хотя (въ сочиненіи) приводятся примѣры изъ французскихъ проповѣдей, но это ни мало не уменьшаетъ его изящества“ ¹⁾. Къ числу препятствій къ одобренію діалоговъ Сковороды, Геннадій относилъ между прочимъ и то, что содержащая тамъ проповѣдь о презрѣніи тѣла можетъ породить еретиковъ безпечности и тѣмъ нанести благоустроеннымъ обществамъ пагубный ударъ ²⁾. Въ Церковной Исторіи Мосгейма онъ счелъ за лучшее выпустить неблагоприятные отзывы автора о „такихъ по Духовному состоянію обстоятельствахъ, кои всегда были и нынѣ твердо соединены съ состояніемъ политическимъ, какъ то о монашескомъ житіи, поведеніи, ученіи правовъ“ и пр. ³⁾.

На 1809 годъ Геннадій былъ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ, а по возвращеніи оттуда, въ слѣдующемъ году скончался исправляющимъ должность предсѣдателя цензуры ⁴⁾.

Изъ всего состава, членовъ московской духовной цензуры, оригинальностью и независимостью своихъ мнѣній наиболѣе выдѣляется цензоръ *Иннокентій*.

Почти до самаго опредѣленія въ цензуру онъ былъ священникомъ въ Москвѣ. Назначенъ онъ былъ членомъ цензуры, по „извѣстнымъ Св. Синоду способностямъ“. Онъ дѣйствительно былъ достаточно образованъ и свободно владѣлъ новыми языками ⁵⁾. Но что важнѣе всего, Иннокентій обладалъ отзывчивостью къ запросамъ времени.

Правда онъ раздѣлялъ общее предубѣжденіе цензуры противъ тѣхъ—даже полемическихъ книгъ, которыя „слишкомъ много отдають разуму и имѣють цѣлью ввести деизмъ или утвердить естественную религію, не заботясь ни мало объ откровеніи“. Произведенія апологетовъ, выступавшихъ на это поприще ради поддержанія бѣдныхъ семействъ онъ не щадилъ называть безсмысленною болтовней; иронизировалъ онъ

¹⁾ МДЦ. 1803, 16, 19.

²⁾ МДЦ. 1804, 8.

³⁾ МДЦ. 1800, 13.

⁴⁾ Арх. Св. С., 1810, 965.

⁵⁾ МДЦ. 1801, 18; 1802, 5.

также и по поводу проповѣди, которая токмо покойную чрезъ излишнюю похвалу въ райскія обители вселяетъ ¹⁾).

Иннокентій всегда помнилъ, что существуетъ публика, и есть много охотниковъ для чтенія, — что требуются книги какъ для умныхъ, такъ и для простыхъ и отсюда въ цѣляхъ популяризаціи необходимо поощрять книги, писанныя методомъ простымъ, языкомъ заманчивымъ и убѣдительнымъ ²⁾). Онъ убѣжденнѣе другихъ совѣтовалъ цензурѣ, рекомендовать предъ Синодомъ Сводъ четырехъ евангелистовъ какъ можно сильнѣе, чтобы дозволено было напечатать гражданскими буквами: эта печать для презирающихъ церковную или не умѣющихъ пользоваться послѣднею—гораздо заманчивѣе и возбуждательнѣе ³⁾). Въ другой разъ когда остальные члены, даже склоняясь къ одобренію, изобрѣтали характерныя формулы: „хотя сочинитель книги сей былъ езуитъ, однако историческое теченіе страданій Христовыхъ во всемъ согласуетъ повѣствованію Св. Евангелистовъ, Грекороссійскою церковію приѣмлемому“, Иннокентій выражался о тѣхъ же сочиненіяхъ съ большей прямою: книга въ своемъ родѣ рѣдкая, весьма полезная, аккуратная ⁴⁾).

Но особенно рельефно сказался индивидуализмъ Иннокентія при рѣшеніи вопроса о сочиненіяхъ Г. Сковороды. Всѣ остальные члены хотя и представили о нихъ отдѣльныя мнѣнія, но такъ сказать, синоптического характера. Въ своей основѣ они примыкаютъ ко взгляду и г. Геннадія: „хотя здѣсь много хорошихъ и съ самымъ Св. Писаніемъ согласныхъ мыслей, но, какъ онѣ предложены необыкновеннымъ и страннымъ образомъ, безъ надлежащей одна съ другою связи, то во многихъ мѣстахъ такъ темно, что и самому провѣдательному читателю, при чтеніи ихъ, надобно будетъ останавливаться. А малопонятный и непросвѣщенный можетъ уклониться въ разумѣніе погрѣшительное и еретическое. А то, что служить можетъ поводомъ къ заблужденію, едва ли заслуживаетъ одобренія, какового требуютъ книги въ духовныхъ типографіяхъ печатаемыя“. В. Ивановъ, впрочемъ, при-

¹⁾ МДЦ. 1803, 15; 11, 13.

²⁾ МДЦ. 1804, 5.

³⁾ МДЦ. 1801, 26;

⁴⁾ Арх. Св. С. 1804, 149; МДЦ. 1803, 19.

зналъ, что „второй разговоръ (изъ діалога: О познаніи са-мого себя), по содержащейся въ немъ наивеличайшей ереси достоинъ сожженія и проклятія“.

Иного рода—*literarisch*—сужденіе Иннокентія. Сочиненія Гр. Сковороды, пишетъ онъ 1) христіанское правоученіе, въ нѣкоторомъ объясненіи десятословія состоящее и 2) Разговоръ изъ содержанія сего: „Знай себя“, читалъ съ надлежащимъ вниманіемъ и нашелъ, что 1) оное рѣзкимъ и убѣдительнымъ образомъ писанное, можетъ быть полезно и заманчиво для тѣхъ особенно, которые ищутъ не голой нравственности, но основательно объясненной и философски, въ смыслѣ необходимости своей, доказанной;... 3) самымъ близкимъ и поразительнымъ для сердца каждаго языкомъ обнаруживая, что есть подлинный человѣкъ, или что такое настоящее существо его, въ которомъ долженъ открываться потерянный образъ Божій и подобіе, — сильно побуждаютъ къ назиданію, воздѣлыванію и обработыванію безсмертной души.. для (достиженія) важнѣйшей христіанской цѣли, состоящей во внутренней перемѣнѣ, или возрожденіи.... 4) Оно по особенному своему—и для большей части людей заманчивому слогу и по чрезвычайной ясности, съ которою представляетъ столь важныя матеріи, для всѣхъ необходимыя къ познанію, но не для всѣхъ понятныя,—привлекло весьма многихъ не только изъ соотечественниковъ автора къ прочтенію; многихъ же иностранцевъ, полюбившихъ это сочиненіе еще на русскомъ языкѣ, побудило перевести на иностранныя языки, какъ-то: французскій, нѣмецкій и на этихъ языкахъ съ немалымъ одобреніемъ читается, да едва-ли и не напечатано. 5) Есть, правда, въ немъ нѣкоторые низкіе и простонародные термины, дикія выраженія, отличающіяся отъ общепринятыхъ церковныхъ мнѣній, но все это легко можетъ быть исправлено, безъ всякаго разрыва связи сочиненія, а за симъ исправленіемъ рекомендую его,—какъ полезное и въ своемъ родѣ рѣдкое сочиненіе — къ напечатанію ¹⁾.

На мѣсто Геннадія, по представленію м. Петербургскаго Амвросія, былъ назначенъ архимандритъ *Владиміръ (Третьяковъ)*. Его кратковременная дѣятельность въ роли председа-

¹⁾ МДЦ. 1804 г.

теля цензуры сразу воскресила типичныя черты эпохи Павла I, что было, впрочемъ, вполне естественно. Владиміръ,—человѣкъ безспорно способный и знатокъ языковъ ¹⁾),—уже чрезъ пять лѣтъ по окончаніи академіи, былъ опредѣленъ въ 1796 году, по высочайшему повелѣнію, въ новоучрежденный московскій цензурный комитетъ въ качествѣ духовной особы. вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно повышаясь по академической службѣ, онъ къ 1800 году занялъ тамъ мѣсто ректора.

Но въ это время у него открылись признаки „ипохондрической болѣзни“. Онъ началъ небрежно относиться къ своимъ занятіямъ,—пропускать книги не читая“. По крайней мѣрѣ, именно этимъ м. Платонъ объяснялъ нашумѣвшій въ свое время пропускъ Владиміромъ книги Аридта „объ истинномъ христіанствѣ“. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни соблазнительные поступки Владиміра,—подробно описываемые напр. въ письмахъ Платона, побудили Синодъ удалить его въ Суздальскій монастырь. Тамъ онъ пробылъ пять лѣтъ, а чрезъ два года по возвращеніи оттуда былъ признанъ высшею властью достойнымъ занять отвѣтственный постъ по духовной цензурѣ.

Воззрѣнія Владиміра какъ цензора были весьма сходны съ взглядами В. Иванова, такъ что нѣкоторые отзывы предсѣдателя являются какъ бы составленными подъ диктовку цензора ²⁾). Вотъ нѣкоторые отрывки изъ рецензіи Владиміра, выражающіе его credo. По поводу перевода съ французскаго словъ Массильона онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: слова, до Церкви принадлежащія должны бы, ради важности содержанія и достоинства перевода, переведены быть рѣченіями большею частью славянскими, но не только сего не соблюдено, но еще употреблены слова, совсѣмъ неприличныя церковной каедрѣ, какъ то: актеръ, роль, критика... Вообще же переводъ почти такъ называемый вольный или парафрастическій. И хотя предписаніямъ, даннымъ цензурѣ, я не только ничего не усмотрѣлъ противнаго, но еще нашелъ для

¹⁾ МДЦ. 1811, 21: обучался языкомъ латинскому, греческому, нѣмецкому и французскому, на которыхъ сочинять и переводить можетъ (формул. списокъ).

²⁾ МДЦ. 1809, 15.

чтенія юношества, готовящагося въ духовное состояніе, полезное, но по сказаннымъ литературы неисправностямъ, по которымъ нѣтъ въ немъ ни точности, ни ясности, ни важности,—переводъ достойнымъ печатанія не считаю ¹⁾... Какъ видимъ, по мнѣнію Владиміра священное содержаніе само собою предполагало и языкъ славяно-россійскій.

Относясь такъ педантично къ внѣшней, формальной сторонѣ сочиненій, при разборѣ ихъ содержанія, Владиміръ вооружался всѣми приѣмами, которые онъ вынесъ и бережно сохранилъ изъ школы Туманскаго. Въ подтвержденіе этого достаточно привести нѣсколько выдержекъ изъ его рецензій на книгу „наслажденіе собою“ ²⁾. Отдѣльныя мысли автора цензоръ сопровождаетъ такими комментаріями:

Стр. 20. Извѣстно, что здравый смыслъ никого не погублялъ, но не меньше извѣстно и то, что въ тѣ Готическіе вѣка, когда ничего не уважали, кромѣ здраваго разсудка, предки наши подвергли себя посянтію, вѣрили всѣмъ баснямъ, употребляли пытки и простыхъ физиковъ жгли, какъ чародѣевъ.

Стр. 46. Какъ проникнуть далѣе системы солнечной и прейти... даже до престола существа, которое, будучи само недвижимо, двигаетъ все... и которое, само для себя пресовершенно довлѣя, не имѣетъ нужды ни въ людяхъ ни въ ихъ къ Ему куреніяхъ.

Стр. 173. Не помыслите, будто бы мы намѣрены вамъ

Не для чего смѣяться предкамъ... Изъ его словъ, подъ благовиднымъ покровомъ басынъ, пытокъ и проч. выходить неуваженіе къ священнымъ преданіямъ.

Что Богъ не имѣетъ нужды въ приносимыхъ ему жертвахъ и куреніяхъ,—сіе есть пагубное и злочестивое ученіе философовъ XVIII в. Благовидными своими выраженіями распространяють одну гибель.

Притивно Уставамъ нашей Греко-Россійской Церкви.

¹⁾ МДЦ. 1809, 17.

²⁾ МДЦ. 19. Переведена была съ франц. префектомъ Вятской сем. А. Шестоковымъ и представлена въ цензуру съ одобрительнымъ отзывомъ епископа Гедсона.

ввести въ обыкновеніе длинныя бороды и разметывающіяся воскрилія. Иногда менѣе избавляетъ отъ суетностей власяница, нежели бархатъ.

Стр. 44. Хотя будемъ въ республикѣ, хотя въ Монархіи, вездѣ будемъ свободны, если будемъ наслаждаться собою...

Стр. 142. Благороднѣе всего въ человѣкѣ человѣкъ, и всѣ титулы, какія ни вымышляли бы, суть несравненно его ниже.

Стр. 145. Фраотъ, индѣйскій государь просилъ Аполлонія (Фіанскаго) чтобы угостилъ его ужиномъ. Аполлоній признавался, что недостойнъ чести. Но государь отвѣчалъ ему: кто изъ насъ достоинѣе тотъ долженъ угощать и на семь правилъ Аполлоній долженъ угостить Фраота. Здѣсь всякъ примѣтитъ природную простоту безъ прикрасъ и безъ наряда. Такимъ образомъ мыслятъ монархи, которые владѣютъ собою.

Стр. 158. Человѣкъ, — говоритъ одинъ великій государь, — который вовсе не видалъ меня, который живетъ за сто миль отъ моей столицы, безъ пышности и честолюбія, — есть мой счастливецъ.

Стр. 219. Философъ знаетъ, что ему, какъ гражданину всего свѣта, надлежитъ быть

Изъ сихъ словъ выходитъ къ монархическому правленію нѣкое неуваженіе, почему лучше здѣсь просто сказать: вездѣ и во всякомъ состояніи.

Слова сіи отзываются затѣями буйной философіи... Хвалить жизнь безъ чиновъ, но по какому побужденію... (къ стр. 261).

Сочинитель пишетъ о европейскихъ государяхъ, исповѣдающихъ христіанскую вѣру, а въ примѣръ приводитъ язычника Фраота и поступокъ его предпочитаетъ поступкамъ европейскихъ или христіанскихъ государей...

Слишкомъ философски.

Должно паче учить, чтобы быть гражданиномъ своего отечества и о привязанности

чувствительну и внимательну въ разсужденіи всѣхъ народовъ...

Гл. 69. „О слугахъ“, въ которой пишетъ, что человѣчество заклинаетъ его ходатайствовать о такихъ же насъ, но которыхъ мы пренебрегаемъ и проч...

Стр. 230. Знаю господъ, которые, отъ 20 до 30 лѣтъ имѣвши при себѣ по одному слугѣ, не могли бы сказать, откуда они были и пр. Между тѣмъ, такое презрѣніе тѣмъ предосудительнѣе, что весьма часто слуга бываетъ болѣшихъ достоинствъ нежели его господинъ, не имѣя столько ни смысла, ни благородства.

Общественный порядокъ требуетъ, чтобы были вельможи и рабы, министры и художники, богатые и бѣдные...

Впрочемъ результатъ такого подробнаго и искуснаго разбора былъ нѣсколько неожиданенъ. Заканчивая разсматривать рукопись, Владиміръ ухватился за слова: „метафизика (въ наши времена) воздыхаетъ о временахъ Мальбранша и не надѣется больше возвратиться имъ“. Противъ нихъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе: „въ Цензуру Духовную слѣдуютъ книги, не до метафизики касающіяся, но до Церкви и ученій церковныхъ“. Въ этомъ же смыслѣ состоялось опредѣленіе общаго собранія и рукопись возвращена была переводчику.

Воскресши въ лицѣ Владиміра — въ своемъ цѣльномъ видѣ — старые критеріи царили недолго. Уже въ половинѣ 1811 года онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности, такъ какъ писалъ онъ, „нынѣ я опять сдѣлался боленъ и потому надлежащимъ образомъ цензурной работы

къ нему, а не о томъ философствовать, сколь мудръ и великъ гражданинъ свѣта.

О слугахъ напечатано быть не можетъ, п. ч. философское его разсужденіе о нихъ можетъ быть употреблено во зло.

Сдѣлавъ описаніе дурныхъ господъ забываетъ о добрыхъ; а такое пристрастное его ругательство здѣсь и въ другихъ мѣстахъ означаетъ, что сочинитель держался системы затѣйливой и буйной философіи.

Не только общественный порядокъ, но и внутреннее достоинство и установленіе Божіе: „ина слава солнцу... ина... звѣздамъ и „нѣсть власть еще не отъ Бога“.

проходить не могу“. Не сопровождалось также это возвращеніе къ старинѣ и какими-либо серьезными послѣдствіями: къ этому времени московская цензура сама уже успѣла сознать свою никчемность. И при всемъ томъ, однако, фактъ цензорства архимандрита Владиміра между рецидивами ипохондрической болѣзни остается весьма поучительнымъ при характеристикѣ тѣхъ „возможностей“, которыя таила въ себѣ московская духовная цензура.

Среди непрерывной смѣны цензоровъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій тѣмъ болѣе выдѣляется своею продолжительностью, прочностью положенія цензорство *Іакова Дмитріева* (*Никольскаго*). По окончаніи семинарскаго курса, слушая лекціи и въ академіи, онъ посланъ былъ въ московскій греческій Николаевскій монастырь для изученія разговорнаго греческаго языка ¹⁾. Съ этого времени за нимъ упрочилась слава эллиниста ²⁾, что было и причиною назначенія его въ цензуру. Самъ Іаковъ старался не скрывать втайнѣ своего дара языковъ, и напр. на запросы издателей адрес-календаря Москвы отвѣчалъ сообщеніемъ такихъ о себѣ свѣдѣній: протопресвитеръ Б. М. Усп. собора Іаковъ Дмитріевичъ, кавалеръ Анны 2 ст., занимается ценсорованіемъ и переводомъ духовныхъ книгъ съ греческаго языка на слав.-Россійскій и сношеніемъ славянскихъ книгъ, какъ Библейскихъ, такъ равно и всѣхъ церковныхъ, съ еврейскими и греческими ихъ оригиналами ³⁾.

Разсматривая сочиненія, онъ почти всегда искалъ случая отмѣтить ихъ слабыя стороны „въ разсужденіи Литературы, на которую-де также духовная цензура указами Св. Синода обязуется обращать вниманіе ⁴⁾. И дѣйствительно, погрѣшности авторовъ даже напр. въ употребленіи „оксіи“ и „варіи“ давали обильную пищу для замѣчаній цензора—лингвиста. Мимоходомъ замѣняли онъ союзъ „какъ“ союзомъ „поелику“, изгонялъ слово „серьезно“ какъ не русское и берлогу именовалъ логовищемъ. Ригористомъ грамматики,

¹⁾ МДЦ. 1811, 21.

²⁾ Арх. Св. С., 1811, 530.

³⁾ МДЦ. 1821, 12.

⁴⁾ МДЦ. 18. 14. 9.

стѣсняющимъ авторскую свободу, являлся Іаковъ и при оцѣнкѣ переводовъ съ греческаго языка. Во имя точности онъ жертвовалъ самыми невинными проблесками живости. „Воззри на Него, восклицалъ переводчикъ Никифора Θεοτοκία, какъ Онъ (І. Х.) будучи младенцемъ, лежитъ въ скотскихъ ясляхъ, какъ Онъ не имѣетъ гдѣ главы преклонить, какъ алчетъ послѣ утомительнаго поста, какъ трудится послѣ великаго путешествія“. Воззри на Него, резонерствовалъ цензоръ Іаковъ, младенчествующаго въ ясляхъ безсловесныхъ лежащаго, не имѣющаго, гдѣ главы подклонить, алчущаго по постѣ, утруждающагося по путешествіи ¹⁾).

Въ своихъ сужденіяхъ относительно содержанія сочиненій Іаковъ, хотя и не явился зарекомендовать себя „гасителемъ“, зато безспорно является дипломатичнымъ ревнителемъ умѣренности, середины. Его „слуху нетерпимы“ были приводимыя въ полемическихъ сочиненіяхъ точными словами злочестивыя мысли вольнодумцевъ, которыя только ужасное посмѣяніе въ себѣ содержатъ. Найдя въ противораскольническомъ сочиненіи фразу:... внимлите не моему рѣченію, по словамъ самаго Господа, не о числѣ просфоръ, и не о крестѣ на нихъ, а о наслѣдіи живота вѣчнаго: аще не снѣсте“..., Дмитріевъ вдается въ такія разсужденія. „Дѣло не въ томъ, что говоритъ такъ низко объ обрядахъ, а показать, что обряды раскольничьи не суть истинное преданіе, а означаютъ только крайнее ихъ заблужденіе, какъ и обличаютъ ихъ М. Платонъ въ увѣщаніи и Н. Θεοτοки. А хотя первый хожденіе посолонъ, седмипросфоріе... и называетъ мелкостями, но когда исторически открыты настоящія преданія Церкви, то что мѣшаетъ сіи вещи назвать мелкостями? Ибо они и подлинно не стоятъ того, чтобы за нихъ отдѣляться отъ Церкви, ибо и всѣ обряды въ разсужденіи догматовъ суть не что иное. Но говорить только то одно, что все равно, все малозначуще,—довольно ли сего и можно ли?—отдаю на судъ общаго собранія цензуры ²⁾).

Если принять во вниманіе, что взятое въ скобки, будучи написано, исключено потомъ самимъ Іаковомъ, и что всѣ эти разсужденія сотканы имъ въ угоду предсѣдателю Вла-

¹⁾ МДЦ. 1813, 20; 1810, 25.

²⁾ МДЦ. 1810, 19.

диміру и В. Иванову уже при вторичномъ пересмотрѣ книги (при первомъ Дмитріевъ съ другими членами далъ вполне одобрительный отзывъ),—становится яснымъ, какъ старался лавировать протопресвитеръ. И, повидимому, недалекъ отъ истины общій отзывъ о немъ М. Я. Морошкина: Въ Синодѣ, пишетъ онъ, Никольскаго считали за человѣка, богатаго опытностью, осторожностью, зрѣлаго въ сужденіяхъ; на самомъ же дѣлѣ—это былъ человѣкъ холодный, формалистъ въ высшей степени и самый точный блюститель мельчайшихъ подробностей системы чинопочитанія. Несмотря на независимость, въ служебныхъ отношеніяхъ, отъ митрополита московскаго, лѣта свои, значительныя должности и украшавшую его звѣзду св. Владиміра 2-й степени (что составляло небывалое явленіе въ Москвѣ), Никольскій, слѣдуя существующему между московскими священниками обычаю, кланялся въ ноги Филарету, и этимъ удивлялъ даже самихъ москвичей“ ¹⁾.

Ал. Котовичъ.

¹⁾ Сборникъ И. Р. Ист. Общ., т. 113, ст. 165—66.